

И Е Р И Х О Н
И Е Р И Х О Н

Басти Родригез-Иньюригарро

**Басти Родригез-
Иньюригарро**

ИЕРИХОН

Многим читателям хочется сравнить эту книгу с «Трудно быть богом» Стругацких — с поправкой на ветер эпохи.

«Иерихон» — это антиутопия и анти-антиутопия, история попаданца в духе *young adult*, балансирующая на грани городского фэнтези и магического реализма, психологический роман о блужданиях по внутреннему миру, медитация на тему этики, религии, истории, общественного и личного блага, ответственности за решения, взаимном влиянии микрокосма и макрокосма, но, в первую очередь — это история о сохранении личности вопреки миру и самому себе.

Целевая аудитория «Иерихона» широка. Главный герой — подросток, в силу обстоятельств считающий себя взрослым. Соотнести себя с ним может каждый, кто размышляет о своём месте в мире и сталкивается с ситуациями, в которых любой выбор — неправильный.

«Иерихон» существенно отличается от большинства романов о попаданцах, где герой, неспособный прижиться на родной почве, находит себя в альтернативной реальности, или спасает другой мир и благополучно возвращается домой. Ни один из этих сценариев не применим к «Иерихону».

Здесь нет положительных или отрицательных героев — как в античной трагедии, все стороны до определённой степени правы и столь же виновны. Роман задаёт много вопросов, но не навязывает ни одного ответа.

Содержание

Часть первая Предпоследний акт 13е-14е мая

I

II

III

IV

V

VI

Часть вторая Семь сотен дней командора Кампари (два года до событий первой части).

VII

VIII

IX

X

XI

XII

XIII

XIV

XV

XVI

XVII

XVIII

XIX

XX

XXI

XXII

XXIII

Часть третья Поля обнажённых костей 14-е мая

XXIV

XXV

XXVI

Эпилог

Приложение

[Глоссарий имён](#)
[Страницы командорского дневника](#)

Часть первая

Предпоследний акт

13е-14е мая

«Не без причины ненавидели этих людей. Отечество — дело земное, и кто хочет быть ангелом, всегда плохой патриот. У нации есть на этот счёт безошибочное чутьё. Поспешим прибавить, что, вступив на путь усиленных гонений, империя лишь ускорила результат, которому хотела помешать».

Эрнест Ренан

I

— Командор... — камердинер тактично умолк секунд на тридцать.

Кампари не спал, а вспоминал, смежив веки, кто он такой и каких действий от него ожидают.

— Вас хочет видеть госпожа Валентина. Офицер Отдела Внутреннего Контроля.

— Я в курсе, кто она такая, — Кампари резко сел. — Время?

— 6:30. Оденетесь?

— Бессмысленно. Зови её.

Он встал и, голый, подошёл к окну. Солнце палило нещадно, врываясь в комнату сквозь тяжёлые шторы. Необычная погода для весны.

— Воздух сегодня красный. Кирпичные стены фильтруют свет, — выдал Кампари вместо приветствия.

— Чушь не неси, — фыркнула вошедшая.

Не оборачиваясь, Кампари знал: гостья деловито раздевается. Ремень с кобурой — на крючок. Сапоги — под стул.

— Когда ты переедешь? — любой вопрос Валентины звучал упрёком. — Девять минут сорок секунд на путь от ворот до твоей двери. Лишние повороты, спуски, подъёмы. Нелогичное расположение лестниц. Огромная территория используется совершенно бестолково.

— Какие-то дилетанты отгрохали монастырь до моего рождения. Досадное недоразумение, — ухмыльнулся он в окно.

— Недоразумение — это ты, третий год без пункта связи, на отшибе.

— Я живу здесь дольше трёх лет.

— Но командорские эполеты носишь два года, — гостья раздражённо втянула воздух ртом. — Ты понял,

что я имела ввиду. Оттягивать переезд уже неприлично.

— Неприлично? Ты же презираешь условности.

— Причём тут условности? Речь об элементарном удобстве.

— Твоём удобстве, — огрызнулся Кампари. — Меня всё устраивает.

— Да хоть бы и моём. Подумай о ком-то кроме себя, для разнообразия.

— Слушай, я не принуждаю тебя каждое утро преодолевать непомерное расстояние от ворот до моей кровати.

Воздух пропитался раздражением, нейтрализовать которое Кампари не мог, зато усугубить — с лёгкостью. Он обернулся на несколько секунд раньше обычного, и досада в глазах гостя приобрела оттенок ненависти.

Валентина раздевалась по собственной инициативе, но прямых взглядов не любила. В форме она выглядела внушительно: широкая спина, крепкие бёдра, сапоги плотно облегают икры. Под комбинезоном обнаруживались мягкая грудь и розовая кожа без намёка на загар, отчего живот и ноги казались особенно голыми. Одетая Валентина была железной. Собственная плоть каждый раз становилась для неё неприятным сюрпризом.

— Что уставился? Я готова.

Злое и долгое соитие всегда заканчивалось в молчании. Ванну принимали по очереди.

Выйдя на балкон, Кампари обнаружил Валентину в полном обмундировании, с чашкой в руках. Жидкость, которую в Агломерации снисходительно называли «кофе», оставила тёмные следы в уголках её губ. Шаткий облезлый стул, круглый столик, чашка, — всё это рядом с Валентиной выглядело до смешного мелким.

Кампари занял второй стул и без аппетита уставился в тарелку. Поджаренная курица, яичница, ломтик хлеба. Грех жаловаться, но надоело до чёртиков.

Валентина оглядела его: мокрые волосы, рубашка застёгнута не на все пуговицы.

— Форму надень. Мы на улице.

— На третьем этаже, — он криво ухмыльнулся.

— Всё равно на улице.

— Здесь, мягко говоря, мало прохожих.

Под окнами и впрямь царило безлюдье и безмолвие: сквозь мостовую проулка пробивалась трава, из-под ворот выбегал ручей, чей источник прятался на нижних уровнях монастыря. Рыжая вода пересекала проулок, журча между низкими заборами древних, пустых особняков, уцелевших лишь потому, что занятая ими земля считалась бесполезной, — за ними, в зарослях боярышника и черёмухи, в километре от монастырской стены, скрывался барьер. Никто не хотел жить и работать поблизости.

— Надень форму.

— Я тут главный, нечего мне приказывать, — Кампари улыбался, чтобы не плеснуть кипятком ей в лицо.

Он выдавал желаемое за действительное. Отдел Внутреннего Контроля, который Валентина вот-вот возглавит, для того и существует, чтобы проверять на вшивость всю Агломерацию, включая командование. Кто после этого главный — большой вопрос. Впрочем, нет, не вопрос: расстановка сил ясна как день.

— Надень форму.

— Не понимаю, о чём ты. Командорской формы не существует, — Кампари хихикнул. — Я её отменил.

— Но весь Центр ходит то ли в пальто, то ли в пиджаках, несовременных и непрактичных, — она хлопнула ладонью по столу, кофейник жалобно

звякнул. — Даже в моём отделе нашлись желающие радикально сменить облик. И всё из-за тебя!

— Вот пусть эти жертвы моды и варятся вкрутую! — взорвался Кампари. — А я залезу в сюртук, когда погода испортится. Кстати, именно так раньше назывался «то ли пиджак, то ли пальто».

— То, что надето на командоре — уже не мода, а правило!

— Опять превращаешь моё личное дело в общественное.

— Нет у тебя личных дел.

Кампари посмотрел на крыши и заросли. Нет у него личных дел. Ни у кого их нет. Агломерация много лет варится в собственном соку, и бежать отсюда некуда.

Для учёных и мистиков барьер стал головоломкой без решения, для прочих — фактом из разряда «Небо — сверху, земля — снизу. Упадёшь с двадцатого этажа — разобьёшься».

Впрочем, барьер вызывал чуть больше любопытства, чем закон гравитации. Жители центральных районов гадали: как выглядит граница? Глухая стена, колючая проволока под током? Обрыв, за которым вечная ночь и первозданный хаос? Виден ли барьер невооруженным глазом? Если нет, можно ли случайно врезаться в него?

На окраинах понимали, что последняя гипотеза ближе к истине, посему и возникла своеобразная полоса отчуждения. Барьер не нуждался в часовых — желающих приближаться к нему и так не было.

Лет в шестнадцать — в поисках первозданного хаоса — Кампари пробрался через заброшенные сады под стенами монастыря, ободрал руки и лицо, испачкал ботинки, подумал, что близок к цели, стоило зарослям поредеть, но упёрся в кованый забор. Рядом журчал ручей, впереди, за особняками и переулком, высилась кирпичная монастырская стена.

Кампари решил, что сбился с курса, но во второй раз, внимательно следя за направлением, он шёл по примятой траве, по сломанным и срезанным веткам — и вернулся на то же место.

Проведя в гуще зарослей весь световой день, он наконец понял, что называли барьером. Впереди переплетались кусты сирени, черёмухи, боярышника, кленовые стволы чернели на фоне буйной зелени. Те же самые клёны и кусты, что за спиной. Ничто не мешало вытянуть руку, сделать шаг. Ничто не отбрасывало назад. Он шёл, не меняя направления, и выходил под стены монастыря.

Кампари бросился искать продолжение ручья. Если русло проходит через барьер, то на стыке попираются законы физики: встречные потоки не пенятся в водовороте, подтапливая берега. Но если встречных потоков нет? Если ручей невозмутимо продолжает движение, выходя за барьер? Следующим утром Кампари обнаружил, что ручей не приближается к границе ближе чем на десять метров, а в трёх километрах к северу впадает в маленькое озеро.

Но кто докажет, что, пересекая барьер, не попадаешь в другой город, как две капли воды похожий на первый?

В то лето ботинки Кампари пропитались кровью. Агломерация — не место для пешеходов, но он прошагал её из конца в конец, не пользуясь Линиями — паутиной рельс, изрезавших небо. Он рассматривал трещины на мостовой, пыль на стёклах теплиц, форму луж. Он заглядывал в каждый угол, полз по насыпям, рискуя соскользнуть и переломать ноги, протискивался между заборами, приводя в негодность одежду, рассчитанную на целый сезон, поднимал глаза к Линиям и ругался словами, происхождение которых для него самого представляло загадку, но упорно пробирался через фабричные комплексы, тратил часы, чтобы

обогнуть ангары, где строились новые вагоны, а в следующий раз шёл напрямик — по крышам.

Он выучил город наизусть, обошёл Агломерацию по окружности, проверяя, везде ли барьер ведёт себя одинаково. По линии стыка он двигался поступью канатоходца, раскинув руки, и упивался безвыходностью.

Понять природу барьера эти походы не помогли, зато пригодились, когда по протекции монастыря Кампари попал в старшую школу при Центре Командования. Никто не тратил на пешие прогулки более десяти минут: горожане от мала до велика пользовались Линиями. На фоне товарищей, привыкших видеть Агломерацию с высоты двадцатого этажа, Кампари проявлял незаурядную осведомлённость.

— У тебя круги вокруг глаз, — Валентина вторглась в ход воспоминаний.

— Непорядок, — усмехнулся он.

— Ты здоров?

— Разве может быть иначе? Мой статус предполагает медицинские осмотры два раза в месяц.

— Значит, не хватает сна, — не унималась Валентина. — Просыпаешься до восхода, чтобы встречаться с кем-то ещё?

— А не легче предположить, что я ложусь за полночь? — засмеялся Кампари. — Размышляю над государственными делами? Бьюсь головой о тайну мироздания?

— Не легче, — отрезала гостя. — Даже твоя распушенность не заведёт так далеко. Не спать в тёмное время суток? Что дальше? Курить, резать собственную кожу? Если память мне не изменяет, последнее самоубийство зафиксировали сто двадцать шесть лет назад, да и случаи неизлечимого безумия — редкость.

— А вдруг я изменяю тебе после обеда или, хуже того, на сон грядущий?

— «Изменяешь»? Что за добарьерные словечки? — фыркнула Валентина. — Медики восемьдесят лет назад установили, что самое здоровое время для секса — утро. Закон о контроле рождаемости приняли в том же году. Ты не можешь этого не знать.

Кампари снова смотрел в сторону барьера.

Замкнутое существование Агломерации не обернулось катастрофой только благодаря миллиону правил, порой абсурдных, но неукоснительно исполняемых.

Население не выродилось. Состояние воздуха, воды и почвы — удовлетворительное. Пища производится в точно спланированном количестве. Землю используют по максимуму: жилые и рабочие кварталы перемежаются теплицами, заводами, птицефабриками. Государству в миниатюре барьер пошёл на пользу: на ограниченной территории легче навести порядок.

Архивы хранили историю другого, огромного мира, но не проливали свет на появление границы. Первозданный хаос за барьером стал самой гротескной теорией. Большой популярностью пользовалось мировоззрение попроще: война, экологическая катастрофа, или оба явления одновременно, превратили остальной мир в непригодную для жизни пустыню, но гениальное технологическое решение (чудо, физическая аномалия, божья милость — тут мнения расходились) спасло город от гибели и постепенного отравления.

Ходил и другой слух: мир за барьером жив, но там располагаются враждебные государства, которые захватят Агломерацию, стоит барьеру рухнуть, поэтому существует «тайное правительство», которое выше Центра Командования, Отдела Внутреннего Контроля и

Медицинского Совета — оно-то и занято обороной границы.

Существование враждебных государств не доказано, но контакт с ними на всякий случай запрещён под страхом смертной казни.

— Я ожидала, что к тебе начнёт таскаться другая женщина, — гостыя не давала уйти от темы. — Я ведь не в твоём вкусе. Тебе нравится колотья о подвздошные кости и с двух шагов не различать признаки пола, — Валентина на секунду опустила взгляд: перекрёсток ремней зажалo между полушариями груди. — Надеюсь, это вообще — женщина? — восклицание изображало внезапное подозрение, но Кампари знал: реплика отрепетирована. Ему полагалось, отрицая худшее, признаться в прочих грехах.

— Не вижу смысла это обсуждать, — он прикрылся улыбкой, оставляющей пространство для интерпретаций. — Я сам тебе не нравлюсь, но признаю твоё право на свободу совести.

— Нет такого права, — пробормотала Валентина и уставилась на командора крупными голубыми глазами. — Почему, по-твоему, мы — любовники?

«Нахвталась от меня старомодных понятий», — подумал Кампари.

— Это не секрет, — командор по-прежнему широко улыбался. — Ты предпочитаешь держать меня за... — он заполнил паузу скабрёзной гримасой. — На коротком поводке. Подозреваешь, что я — забарьерный монстр. Или хуже того — резидент, засланный мифическим враждебным государством.

— Ты что, намекаешь на обвинения, предъявленные тебе полтора года назад? — медленно произнесла она. — Это непорядочно. Я была нездорова, — уязвлённый тон гостыи не вязался с напряжённым вниманием в глазах. — Я не из тех, кто предаётся

фантазиям о забарьерных чудовищах. Я не верю в тайное правительство по той же причине, по какой не хожу сюда читать молитвы. Я верю в то, что могу увидеть, потрогать, взвесить. Всё прочее — выдумки людей, у которых слишком много свободного времени.

«С некоторых пор слова у тебя расходятся с делом», — подумал он, но прикусил язык, чтобы вынудить её продолжать.

— Но ты мне и правда не нравишься, — заключила Валентина. — В том смысле, что ты — подозрительный тип, Кампари. За десять лет, что я тебя знаю, ты ни капли не изменился.

— Обычное дело, с нашим-то уровнем здравоохранения.

— Наша медицина призвана как можно дольше сохранять способность к труду, но ты — другое дело. Согласись, весьма необычно в двадцать пять иметь то же телосложение, что в пятнадцать, при том, что ты не из тех, кто недоедает. Волосы у тебя — всегда ровно по плечи, будто вообще не нуждаются в стрижке.

— Что ж, здесь ты права. Потому и не решаюсь отрезать — вдруг обратно не отрастут?

— Павлин неистреблённый.

— Обратись в Медицинский Совет, пусть выдадут свидетельство — такое же, как о твоём «нервном расстройстве». Так и напишут крупными буквами: «В причёске командора не обнаружено аномалий». Что-нибудь ещё?

— Царапина над левой бровью. Ей тоже десять лет.

— О, земля благополучия! — Кампари прикрыл ладонью левый глаз. — Шрамов никогда не видела?

— Это не шрам. На ней свежая корка, будто вчера запеклась.

— Дурная привычка, — лицо Кампари вытянулось. — Расковыриваю. Из года в год. Вот и не заживает. Это всё, что тебя смущает?

— Ты завёл личную армию.

— От волос и царапин к армии? Подумаешь, двадцать человек.

— Двадцать вооруженных человек. Тебе самому револьвер полагался как знак отличия — не более.

— Это ты научила меня стрелять.

— И жалею об этом.

— Ничего я не заводил, — не без ностальгии улыбнулся Кампари. — Экс-командор припёр меня к стенке: «Не знаю, куда девать свежую кровь. Пять человек, почти ваши ровесники. Пока вы в гордом одиночестве сворачивали графики в плевательные трубочки и развлекались резьбой по казённым стульям, я терпел. Но если за порчу имущества возьмутся шестеро... В общем, займитесь ими».

— Что я буду с ними делать? — опешил Кампари.

— Научите их чему-нибудь полезному, — отмахнулся старый командор.

— Кто, я?

— Мы вас тут держим за детальное знание города, — командор не растерялся. — Вот этому и научите.

Сначала Кампари взбесился от того, что на него повесили отряд выпускников. «Детально изучить город? Извольте». Он таскал «подопечных» по своим старым маршрутам. Выпускники выли, спрашивали, для кого построили Линии. Потом втянулись.

Марш-броски были веселей корпения над графиками, а когда Кампари привёл их на пустырь у южного барьера, раздал списанные задним числом револьверы и объявил, что отныне обучение сходит с рельсов закона, они полюбили его.

Экс-командор питал слабость к рассуждениям о мудром использовании человеческих ресурсов. Жертвой этой слабости пал он сам, Кампари, и, в каком-то смысле, вся Агломерация.

Через год после «притока свежей крови» он вызвал двадцатидвухлетнего Кампари к себе и поставил того перед фактом:

— Вы будете моим преемником.

Челюсть Кампари едва не стукнулась об стол, а старый командор невозмутимо подвёл научную базу:

— Вы — талантливый молодой человек, но нужно иметь опыт и проницательность, чтобы использовать ваши качества во благо. Выражаясь старомодно, вы — не командный игрок. Я не доверю вам и на морковной грядке работать, если слева и справа будут локти товарищей. Люди свободных профессий пока не влезают в графики необходимости, таким образом, вас нужно либо посадить в моё кресло, либо расстрелять.

«Опытный и проницательный человек расстрелял бы», — подумал Кампари.

— Сейчас управлением занимаются специалисты солидного возраста, — продолжил старый командор, перестав смеяться. — Стандартное воспитание нивелирует психологические разрывы между поколениями, но природа берёт своё: я наблюдал, как выпускники старшей школы идут за вами.

— Это бред, — сказал Кампари госпоже настоятельнице вечером того же дня.

— Отчего же? Вы пользуетесь влиянием на свой отряд, — возразила она. — А говорили, нет задатков лидера.

— Это не пройдёт с целым городом! — стонал он. — Разумеется, я пользуюсь влиянием! Я заставил их почувствовать себя избранным меньшинством!

— Но это работает, — усмехалась настоятельница.

— Конечно, работает! Со мной бы сработало.

До того момента оружие полагалось лишь офицерам Отдела Внутреннего Контроля, а командор пользовался

сомнительной привилегией иметь револьвер, но не стрелять из него, потому «контролёры» забили тревогу и потребовали распустить незаконное формирование. Старый командор развёл руками — нельзя приказом распустить то, чего никто официально не создавал — и предложил узаконить «эту банду», присвоив ей название «Отряд Критических Ситуаций».

Кампари брезгливо морщился: «Ещё бы отрядом критических дней обозвали». Он не любил, когда вещи не называют своими именами.

Дело закончилось арестом Кампари вместе с подопечными и шестинедельным разбирательством на тему: «Не угрожает ли общей безопасности предложенная командором поправка?».

Господин Мариус, глава Отдела Внутреннего Контроля, открытого конфликта с Центром не желал. Раскол был чреват потрясениями, а игра не стоила свеч, поэтому «банду» отпустили, а поправку к закону об оружейных привилегиях приняли.

— Двадцать человек, преданных не Агломерации, а именно тебе, — задумчиво сказала Валентина. — Это аморально.

— Совершенно согласен. Я не требую от них личной преданности.

— А говорят, на личной преданности вся ваша незаконная организация и держится.

— Во-первых, вполне законная, во-вторых, кто говорит?

— Люди.

Кампари фыркнул, Валентина прищурилась, снова вглядываясь в лицо командора.

— Ты не любишь Агломерацию, — констатировала она. — Не уважаешь нас. Притом какая головокружительная карьера! В пятнадцать — приживала в монастыре, не знающий того, что доступно

ребёнку в семь, в двадцать три — командор. Все разводят руками и не понимают, как так вышло: ты — человек, отвечающий за всё!

— Отвечать за всё — нетрудно, — нахмурился Кампари. — Система работает сама по себе. Остаётся не дышать на шедевр и следить, чтобы прочие на него не дышали.

Они замолчали, вспоминая, с чего же начался диалог.

— Положим, ты не суеверна, — Кампари отхлебнул «кофе» и привычно поморщился. — Не веришь ни в забарьерных монстров, ни во враждебные государства. Во что ты веришь?

— Ты — ставленник монастыря, — Валентина придирчиво окинула взглядом балкон, проулок и кирпичную стену. — Настоятельница мало того, что здесь государство в государстве. Она решила выпустить щупальца наружу и создала тебя.

«Выпустить щупальца наружу», — отметил про себя Кампари, «Тоже моя формулировка. Только я о других щупальцах говорил».

— Монастырь не вмешивается в жизнь Агломерации, — улыбнулся командор.

— Ещё как вмешивается. Об этой кирпичной развалине сто лет вспоминали только при выборе имён, ради учебников латинского, если не считать фантазёров, у которых потребность в религии перевешивает здравый смысл. Мне их не понять, но горстка подобных индивидов, наверное, будет существовать во все времена.

— Ничего себе, горстка — два миллиона граждан, — вставил Кампари.

— Твоё восхождение подогрело интерес к монастырю, — Валентина пропустила замечание мимо ушей. — За прошедший год только ленивый сюда не приезжал: посмотреть библиотеку, хранилище, теплицы. Интернатские воспитатели приходят

«посоветоваться с братьями и сёстрами» — с теми, кто, по сути, живёт вне города! Безумие.

— Не преувеличивай. Люди погибают без новых впечатлений, а внутри барьера нового нет — только хорошо забытое старое. Расслабься, мода — дело изменчивое.

— Кстати о моде, на которую твой специфический облик неизбежно влияет...

— После «монастырских щупалец» мы снова заговорим о моём облике? Как мелко.

— Тлетворное воздействие на умы всегда начинается с мелочей.

— Кстати о мелочах. Начну злоупотреблять властью прямо сейчас, — Кампари заржал, оценив выражение её лица. — Пора освободить в теплицах место под настоящий кофе. Несколько поколений пьют синтетическую дрянь, — он указал на кофейник.

— Проверь графики необходимости, — сухо ответила Валентина. — Где ты возьмёшь образцы природного кофе? Они утеряны. Или здесь и не такое растёт? Слушай, Кампари, Отдел Внутреннего Контроля найдёт управу на монастырь. Определись, насколько тебе дорого твоё положение.

— К чему такой серьёзный тон? Мы не договорили о переписывании законов. Вот ты упомянула процедуру наименования. Десятилетние дети берут имя раз и навсегда, — считаешь, это разумно?

— Если всех оставлять под номерами, числа будут слишком длинными. Это неудобно.

— Да нет, я говорю о том, что в десять человек может думать о себе одно, а в двадцать — ровно противоположное.

— До двадцати ходить под номерами — тоже не вариант, — Валентина задумчиво стучала пальцами по столу. — Уже в семь обращение «Человек номер 357964» затрудняет контакты. Но несколько

безымянных лет в интернате необходимы для определения характера.

— Я похож на того, кто предложит обращаться по номерам ко всему населению моложе двадцати? Напротив, можно разрешить смену имён. Полагаю, ты или госпожа Авила ни разу не пожалели о принятом решении, но другие — могли.

— Неразбериха и лишняя бюрократия, — отрезала Валентина. — Граждане перестанут ответственно подходить к выбору. Удобно сразу определять по имени, что человек из себя представляет или на что претендует. Исключения можно по пальцам пересчитать, — Валентина посмотрела ему в лицо. — Ты от собственного имени решил избавиться? Окончательно похоронить тёмное прошлое в архивах?

— Ехидство смотрится на твоём лице инородно, — усмехнулся Кампари. — Нет у меня тёмного прошлого, а со своим именем я совершенно счастлив.

— Да? И какие выводы должен сделать человек, который слышит его впервые, кроме того, что звучит оно странно? Оно вообще латинское?

— Естественно. Означает «лагерь» или просто «поле».

— То есть не говорит о твоей личности ничего. У тебя всё не как у людей. По-хорошему таких, как ты, в Агломерации вообще быть не должно.

Ножки стула скрипнули по плитке балкона. Через час их обоих ждали на службе, и Валентина засобиралась первой. Кампари не поднялся, чтобы проводить её.

— Сколько можно перемалывать одно и то же? — он обращался не столько к гостье, сколько к остывшей яичнице. — Моё существование не входило в планы Медицинского Совета, но убивать меня — не ко времени, а женщины, которая произвела меня на свет вопреки закону о рождаемости, давно нет в живых. Ничего не поделаешь, поздно искать виноватых.

Валентина уже была в комнате. По шорохам и щелчкам Кампари точно определял, что она делает. Проверила ремни, отряхнула сапоги от пыли, заглянула в зеркало: ни одна прядь волос не выбилась из пучка.

Он ждал, что вот-вот скрипнет и захлопнется дверь, но вместо этого Валентина вернулась на балкон и наклонилась к его виску. Он не шевельнулся.

— Искать виноватых никогда не поздно, — голос у неё был злой и тихий.

II

Многоугольник монастыря представлял собой анахронизм лишь снаружи: по стенам, в которых располагались жилые комнаты, архив, библиотека и хранилище ценностей, давно провели электричество. То же касалось теплиц, занимавших львиную долю внутренней территории.

Старомодные высокие окна, крошащийся кирпич, сама форма постройки, огромная горизонтально, вопреки вертикальности зданий последнего столетия, — всё это казалось инородным на фоне Агломерации. Центральная башня, где обитала настоятельница, в свою очередь выбивалась из ансамбля монастыря пепельным цветом камня, а её округлость противоречила жёсткому рисунку стен.

На предложение электрифицировать башню госпожа Авила отвечала смехом: «Согласно графикам необходимости, у Агломерации есть более насущные дела».

Сверкая едва нашитыми командорскими эполетами, Кампари сказал настоятельнице: «У Агломерации нет более насущных дел. В этой башне столько бумаги, что не ясно: здесь продолжение архива и библиотеки, или библиотека и архив — дополнение к вашему кабинету. Световым днём вы не ограничиваетесь, так давайте перестанем подвергать испытаниям ваше зрение».

Госпожа Авила выслушала его, не перебивая, и заключила: «Я достаточно быстро хожу, чтобы подняться на стены, как только мне потребуется лампа». И Кампари оставил её в покое.

Настоятельница действительно быстро ходила и быстро принимала решения. Кампари долго пытался угадать её возраст, спрашивал обитателей монастыря и не верил ни одному ответу.

Вокруг её глаз и уголков рта собрались тонкие морщины, но длинное, гибкое тело казалось почти юным. Притом Кампари не сильно удивился бы, окажись она старше барьера. Однажды он заявил, что в ней есть «нечто египетское», чем крайне её рассмешил.

Правило о регулярных осмотрах не делало исключений для настоятельницы, но врач много лет выходил из башни, посмеиваясь, если не напевая, словно обсудив всё, кроме здоровья госпожи Авилы, истинное состояние которого представляли лишь она сама да господь, если он существует.

Получив неограниченный доступ к архивам, Кампари увидел, что настоятельнице слегка за пятьдесят. Впрочем, у командора не было оснований доверять всему, что заверено тремя печатями.

Стрелки на часах приближались к полуночи, овальная зала терялась в полумраке. Два трикирия оплывали воском на длинном столе.

— Что у меня в стакане? — от неожиданности Кампари поперхнулся.

— Не нравится? — с живым любопытством спросила госпожа Авила.

Он пригубил густую липкую жидкость ещё раз, теперь вдумчивей, и поднял стакан к свече.

— Закатный цвет обещал приторный фруктовый ликёр, — объяснил он. — Горечь была сюрпризом, — сделал большой глоток и, поморщившись, заключил: — Нравится.

— Самопознание никому не даётся легко, — усмехнулась настоятельница.

— Что вы имеете в виду?

Их разделяло полтора метра белой скатерти. За десять лет вечерние встречи не утратили торжественности, даже церемониальности.

— Вы поймёте. Позже, — госпожа Авила редко напрягала голосовые связки, однако слова звучали не менее чётко, чем вырисовывались черты её лица в рыжем шаре света.

— Иногда мне хочется запустить в вас стулом, — улыбнулся Кампари.

— Желание вполне обыденное, — уверенно ответила настоятельница. — А вы могли бы? Тут давно не случилось кровавых драм. Люди устают, если ничто не тревожит их воображение. Именно поэтому вам следует быть осторожным. Валентина окончательно демонизирует ваш образ, если посчитает это необходимой мерой, и вас порвут на фантики с плохо скрываемым сладострастием.

Командор подумал о Валентине, сладострастии, фантиках, и предпочёл сосредоточиться на стакане.

— Мне знаком этот вкус. Определенно знаком. Что там?

— Горечавка, аир, померанец. Всего не перечислю. С нашими ресурсами следовать оригинальному рецепту трудно, но получилось, по-моему, сносно, даже с искусственным кармином. Разводить кошениль было не с руки. Так значит, Валентина по-прежнему не может успокоиться на ваш счёт. Я её понимаю: мне вы тоже сначала не понравились.

— А кому понравится выходец из-под земли?

— Ещё и такой неразговорчивый. «Кто вы? — Кампари. Сколько вам лет? — Пятнадцать». На прочие вопросы — никакой реакции.

Он помрачнел. Тот день помнился смутно, больше — по пересказам настоятельница. Первые пятнадцать лет жизни представляли собой *terra incognita*, поэтому о смене имени речи не шло: он цеплялся за него как за ключ. Замочную скважину предстояло найти.

Кампари быстро выбрал сказку про барьер, которая нравилась ему больше прочих. Первозданный хаос волновал воображение, но не давал альтернативы, выжженная войной пустыня — тем более. Поэтому он уверовал во враждебные государства.

Ведь что-то подсказывало: жизнь может быть устроена иначе, законы и правила — не истина на все времена, а ответы на запросы переменчивой среды, и он, Кампари, в этой среде — инородное тело.

На предмет того, как это самое тело попало в Агломерацию, у него тоже появились соображения. Если он родился за барьером, а в пятнадцать оказался в монастыре с утекшей сквозь пальцы памятью, возможно, он заслан в Агломерацию, чтобы разрушить идеальную систему изнутри или взломать барьер. Утекшая память — надёжная защита. Даже если он попадёт под подозрение, то на допросе не сообщит ничего конкретного, потому что ничего не знает. Если некая цивилизация вместо техники развивала мозг, что помешало бы ей подготовить идеального резидента — чистый лист?

Сначала Кампари развлекался этими фантазиями, когда декреты, графики и гражданское воспитание набивали оскомину. Со временем он окончательно поверил в собственный вымысел, и высокомерие человека, осознавшего свою исключительность, смешалось со стыдом и тревогой.

Просветление неизменно совпадало с периодами отчаяния и апатии: тогда он вспоминал, что сам придумал себе роковое предназначение, и дотошно отделял зёрна фактов от плевел предположений. В сухом остатке выходило: физически он отличается от прочих горожан. Слегка.

Валентина не ошиблась: у Кампари действительно не росли волосы и не заживали царапины, с которыми он появился в монастырских подвалах. Медики, не найдя

объяснений, постановили: «Некоторые процессы в организме замедлены, а патология это или эволюция — покажет время». Кампари тактично не упоминал о том, что синяки и порезы, полученные после явления в подвалах, заживали с обычной скоростью.

— Я думала, вас подслали снаружи, — призналась настоятельница.

— Снаружи? — переспросил Кампари почти с надеждой.

— Отдел Внутреннего Контроля давно хотел привлечь монастырь к ответственности за то, что наши теплицы не соответствуют графикам необходимости.

— Смешно. Теперь Валентина считает меня ставленником монастыря.

— А сами вы что думаете на этот счёт?

— Я не разделяю её уверенности, — усмехнулся Кампари. — В чём-то я, безусловно, ваш человек. Контролёры начнут вмешиваться в дела монастыря только через мой труп. Я выполню любую вашу просьбу. Но вы же ни о чём не просите. Чаще я прошу вас об одолжениях. Вы меня здесь поселили, придумали мне биографию, десять лет руководили моими действиями, и вот к чему это привело, — он кивнул на командорские эполеты.

— Руководить вами? Полно, вы сами-то в это верите?

— Вы как-то заметили, — он посмотрел в сторону, — что путь, который выбрала Агломерация — не худший, но тупиковый, и что он определён не барьером. Что человечество пошло по простой, технологической дороге на заре истории.

— Вы думаете, я хотела развернуть человечество на 180 градусов с вашей помощью?

Кампари покачал головой.

— С такими целями вы бы взялись за дело сами. Я долго не понимал, почему, с вашим умом и энергией, вы

не пробилась к власти.

— А теперь поняли?

Кампари несколько секунд смотрел на неё, прищурившись.

— Масштаб не ваш. Управлять миром, заключенным в барьер — рутина. Лично я чувствую себя белкой в колесе, и часто жалею, что послушал вас и поступил в старшую школу при Центре.

— Увы, позволить вам связать жизнь с монастырём я не могла, — госпожа Авила откинулась на спинку кресла. — У нас много общего, но пути — разные. О вашем пути и поговорим. Вы хотите перевернуть город с ног на голову?

Кампари засмеялся.

— Я долго считал, что в этом моё призвание. Представлял, что заставлю Агломерацию жить так, будто барьера нет, и тогда он лопнет сам, как мыльный пузырь.

— Пузырь — это изящная концепция. Так вы — слегка мессия? — судя по всему, настоятельница развлекалась.

— Скорее, бич божий, — ответил Кампари ей в тон. — Агломерация страдает амнезией, не помнит главного: как появился барьер. Иначе говоря, не понимает, что сделало её тем, чем она является. У меня тот же диагноз. Не знак ли это?

— Нет смысла думать, что мир крутится вокруг вас. Проще поискать большую рыбину, что ходит кругами.

Загадку Кампари пропустил мимо ушей.

— Я прекрасно понимаю, что мир не настолько ограничен, чтобы вертеться вокруг меня.

— Не настолько органичен, вы хотели сказать?

Они тихо рассмеялись, потом помолчали. Командор сделал ещё несколько глотков из стакана.

— Однако, положение у вас нынче шаткое, — мягко заметила госпожа Авила. — Даже подвешенное.

— Как у Дамоклова меча, — огрызнулся он.

— Вы любите этот город? — с нажимом спросила настоятельница.

— Нет, — честно ответил Кампари. — Я даже не могу называть это городом. Официальное «Агломерация» подходит лучше.

— Почему? Раньше этот вопрос не возникал, но теперь у вас завелись друзья, которые родились и выросли на здешней земле.

— И которые долго не протянут, если позволить механизму работать исправно, — Командор задумался. — Я бесконечно уважаю прагматизм этого места, но он мне чужд. Представьте себе мир, которому повезло больше. Мир, не загнанный в рамки необходимостью выжить, развращенный свободным временем, распорядившийся своей удачей с душераздирающей небрежностью.

— Полагаю, жить в таком мире сложнее.

Командор допил горький ликёр, чтобы заглушить желание рассказать о том, что он — бомба замедленного действия, заброшенная в Агломерацию из-за барьера. Вечер за вечером он вовремя вспоминал: у него всего лишь разыгралось воображение.

— Если подумать, я люблю монастырь, — тихо сказал Кампари.

— Он соответствует вашим стандартам, — усмехнулась госпожа Авила. — Мы беспечны. Живём с размахом, — она коснулась трикирия, увитого бронзовым плющом, потом кивнула на свой недопитый стакан: — А наши чудеса не приносят практической пользы.

— Но Агломерация дала почву, на которой эти стены могут стоять, — сказал он упавшим голосом. — Если бы здесь шли войны и рушились устои, если бы по улицам текла кровь, а воздух дрожал от залпов, монастырь первым исчез бы с лица земли. Именно поэтому я

больше не чувствую себя вправе переворачивать жизнь с ног на голову.

— Вы повзрослели, командор, — улыбнулась госпожа Авила. — Но люди часто совершают то, на что не имеют права.

Кампари откинулся на спинку стула, пряча лицо в тени.

— Вы верите в то, что другие миры существуют? — спросил он, чтобы сменить тему.

— Конечно, — невозмутимо ответила настоятельница. — Вы сами заметили, что мир внутри монастырских стен разительно отличается от того, что за ними. В воде всегда есть пузыри воздуха. Возможно, мы все — в пузыре. Но вам пора идти к себе, иначе утро не будет добрым.

Кампари уже стоял на пороге, с зажженным фонарём в руке, когда госпожа Авила окликнула его.

— Мне всё равно, из какого вы мира. Я создаю свой.